

Андрей Костин
(Санкт-Петербург)

Из истории радищевских юбилеев (газетные и архивные материалы)¹

Предметом настоящей статьи является столетняя история празднования юбилеев А. Н. Радищева, начиная с первого, получившего достаточно широкий резонанс, и заканчивая последним, когда отмечалось 200-летие со дня смерти писателя. Юбилей, привлекая внимание как широких общественных кругов, так и людей пишущих (журналистов, ученых, писателей), зачастую лишь очень слабо связанных с научной традицией изучения личности и творчества писателя, оставляет по себе обширный набор текстов, так или иначе репрезентирующих представление о писателе в определенную эпоху и степень его вовлеченности в культуру. Если взглянуть с этой точки зрения на последний радищевский юбилей, не последний по «круглости» даты, то окажется, что он прошел в России, по сути, не замеченным. Такой источник, как «Газетная летопись», в связи с лавинообразным увеличением изданий в постсоветское время нельзя, конечно, считать в полной мере репрезентативным, но тот факт, что в ней мы не найдем ни одного указания на радищевские материалы в сентябре–октябре 2002 г., весьма показателен если не в количественном, то в качественном отношении: в конце концов, «Летопись» старается отражать содержание наиболее важных газет.

Тезис о малой востребованности юбилея 2002 г., впрочем, лишь в малой степени относится к ситуации в научной среде — в Пушкинском Доме, например, была проведена конференция, по результатам которой в 2003 г. был издан сборник [Радищев 2003]; следует также учитывать, что предыдущий крупный радищевский юбилей — 250 лет со дня рождения — прошел всего за 3 года до того, и тогда также было проведено несколько конференций [Алексеева, Кукушкина 2000], издан сборник [Радищев 2001], начал собираться другой [Радищев 2004], и т. д.

Речь, повторюсь, идет о реакции на юбилей по возможности наиболее массовой информационной среды, каковой для работы над статьей была избрана, в первую очередь, газета. Собственно, здесь делается попытка понять, насколько закономерна эта ситуация, при которой общественный интерес к очень «круглым» юбилейным датам писателя — не только крупнейшего с точки зрения специалистов по литера-

туре XVIII в., но и автора школьного, то есть классика в подлинном смысле, — так вот, общественный интерес к которому оказывается исчезающе малым.

В работах о Радищеве тезис о том, что в XIX в. он оставался автором неподцензурным, давно стал трюизмом. Между тем материалы первого относительно широко отмеченного радищевского юбилея — 1902 г. — показывают, что Радищеву к этому времени не просто была посвящена обширная литература. Литература эта делала свое дело, и по меньшей мере канва биографии Радищева читающим людям была к этому времени хорошо известна. Неизвестный автор юбилейной заметки в «Харьковском листке» отмечал: «имя Радищева попало в учебники по русской словесности и известно каждому образованному человеку» [ХЛ 1902]. Далее, впрочем, он говорит: «...даже интеллигентная публика мало знакома и с <...> жизнью [Радищева], и с его идеями <...> Быть может 100-летняя годовщина <...> заставит восполнить эти пробелы». В нескольких статьях, однако, встречаются фразы следующего содержания: «Образ Радищева и его место в истории русской литературы и общества достаточно выяснены» [Чешихин 1902]. Таким образом, к юбилею 1902 г., отметившему вхождение Радищева в канон русской культуры, сложилась интересная ситуация: имя его знали очень многие, за этим именем стоял уже чаще всего сложившийся образ, при этом лишь немногие были знакомы с сочинениями Радищева. Анализ юбилейных материалов позволяет определить, что же это был за образ.

Прежде всего, становится очевидным, что с содержательной точки зрения в главном сочинении Радищева — «Путешествии из Петербурга в Москву» — видели в первую очередь сочинение о тяготах крестьянства. Упоминание об этом в том или ином виде встречается во всех юбилейных статьях. Кроме того, почти все авторы отмечали широкий диапазон обличительного пафоса книги: «[Радищев] нападает на зачисление дворян в службу с детских лет, <...> корыстолюбие судей, на полный произвол <...> администрации. <...> Вооружается против праздничных приемов у начальства, против купеческих обманов, против разврата и роскоши» [Васильев 1902]. Из этого делался вывод, что Радищев — первый в плеяде русских «гражданственных» писателей, которым свойственны «глубокая любовь к народу — с одной стороны и стремление к правде и свету — с другой» [ХЛ 1902]. Важно отметить, что ставшая впоследствии ведущей тема революционности Радищева в юбилейных статьях 1902 г. почти не затрагивается. Так, если одной из важнейших мыслей статьи В. Е. Чешихина было следующее: «Только в силу предания можно поныне приписывать сочинению Радищева

характер политического памфлета» [Чешихин 1902], то автор статьи в керченском «Южном курьере» отмечал: «Сквозь пыль столетия пробивается фигура почившаго *бойца* (курсив мой. — А. К.) и смотрит своими умными, глубокими глазами, в которых светятся и вера, и надежда...» [ЮК 1902]. Этими высказываниями «революционная» тема в юбилейных материалах, по сути, ограничивается.

Таким вошел Радищев в XX век. Спустя три года после юбилея появились первые массовые тиражи «Путешествия из Петербурга в Москву», в 1907 г. — первые собрания сочинений. Многочисленные свидетельства показывают, что большая часть русской интеллигенции ознакомилась с сочинениями Радищева именно по этим изданиям, в их числе — Ленин и Луначарский. Первая годовщина Октябрьской революции ознаменовалась открытием первого советского памятника — Радищеву, в проломе ограды Зимнего дворца. Казалось бы, следующий крупный юбилей, 1924 г. (175 лет со дня рождения), должен был отмечаться значительно более широко, чем в 1902 г. Тем более, что, как показывает библиография работ о русской литературе XVIII в., ни об одном другом авторе этой эпохи в первые 15 лет советской власти не было написано столько работ, сколько о Радищеве — в 3–4 раза больше, чем о Новикове, Державине, Сумарокове, Ломоносове и пр.²

Между тем ни в одной из просмотренных мною газет 1924 г. не оказалось материалов, посвященных Радищеву. Объяснить это можно, наверное, следующим образом: история творилась на глазах, и не к месту было вспоминать давних покойников — юбилейных материалов в газетах лета–осени 1924 г. вообще мало. Впрочем, в номере «Ленинградской правды» от 31 августа, где должен был бы быть отмечен юбилей Радищева, имеется материал к 60-летию со дня смерти Л. Фейербаха.

Таким образом, следующий после 1902 г. крупный радищевский юбилей прошел только спустя 35 лет, в 1937 г., и был посвящен 135-летию со дня смерти писателя. К этому времени в Пушкинском Доме была организована группа по изучению русской литературы XVIII в., вышел программный том «Литературного наследия», обосновывавший правомочность изучения литературы этой далекой дворянской эпохи [см: Костин 2009]; Радищев в 1933 г. попал в школьные программы [см.: Костин 2008]; вышли первые советские издания «Путешествия», биография писателя в серии «Жизнь замечательных людей» [Жижка 1934].

Основа, таким образом, была заложена, и юбилей 1937 г. вышел за рамки только лишь юбилейных статей. Было подготовлено (с запо-

зданием) юбилейное издание «Путешествия» [Радищев 1938]; к юбилею приурочивалось издание 1-го тома «Полного академического собрания сочинений» [ЛГ 1937а]; в Пушкинском Доме было проведено торжественное заседание [ЛП 1937]; в московском Музее революции была открыта первая радищевская выставка, для которой, в частности, детским художником Б. Н. Покровским³ была изготовлена первая серия иллюстраций к «Путешествию».

Юбилейные материалы 1937 г. явно отмечают изменения в общекультурном представлении о Радищеве. Как и в 1902 г., все авторы юбилейных статей о писателе и 35 лет спустя говорят о нем как о гневном обличителе крепостного права. Между тем если в 1902 г. тезис этот был основой для утверждения Радищева в статусе предтечи русской интеллигенции, то в 1937 на том же основании он становится тоже предтечей, но уже революции. Между тем степень революционности Радищева разные авторы оценивают различно. И если у одних он предстает бунтарем («Он ко всему подходит как бунтарь, непримиримый враг самодержавия и крепостничества» [Натанова 1937]), только оправдывающим стихийный народный мятеж, то у других — в первую очередь у М. Нечкиной и особенно у Г. А. Гуковского — подлинным революционером, зовущим к восстанию и даже создающим революционную организацию («Радищев признавал революцию, и он призывал революцию, ждал ее, агитировал за нее <...> Он искал союзников, искал среды для пропаганды» [Гуковский 1937а]). И хотя мнения этих двух авторов представлены в идеологически наиболее важных газетах — «Правде» и «Известиях» [Нечкина 1937; Гуковский 1937б], кажется показательным, что существовала и конкурирующая точка зрения. Это может свидетельствовать о том, что если директивы о праздновании радищевского юбилея и существовали, то они вряд ли включали в себя четко обозначенное содержательное наполнение. Как иначе объяснить появление в газете «За коммунистическое просвещение» (будущая «Учительская газета») материала Л. Барага, явно оценивавшей Радищева с точки зрения либеральной критики конца XIX–начала XX вв. как сторонника мягких реформ: « [Радищев] призывал к “человеколюбивому мщению” <...> Он требовал полного раскрепощения крестьянства с оставлением за ним обрабатываемой земли» [Бараг 1937]. Такая точка зрения в другой статье характеризовалась, между прочим, следующим образом: «Буржуазные перерожденцы и фашистские наймиты, вредительно орудовавшие на литературоведческом фронте, пытались фальсифицировать образ Радищева. Под их пером он становился благонамеренным либеральным мечтателем, который только для остротки

дворян размахивал “топором крестьянского восстания”» [Плоткин 1937].

Тогда же, в 1937 г., в юбилейных материалах впервые начинает звучать тема, которая станет доминирующей в следующем крупном юбилее, 1949 г. Это тема исключительного своими дарованиями русского народа. Особенно выпукло ее высказала Нечкина в своей статье для «Правды»: «Трудолюбие, чувство достоинства, гордость, независимый ум, <...> — все это отмечено Радищевым в русском народе. Эта сторона произведений Радищева недостаточно останавливала на себе внимание историков. Впервые в русской литературе русский <...> крестьянин был обрисован <...> как человек во всем своем человеческом благородстве» [Нечкина 1937].

Прежде чем перейти к описанию крупнейшего по размаху радищевского юбилея, следует отметить одно немаловажное обстоятельство. Несмотря на газетные декларации о том, что в советской стране Радищев нашел наконец своего массового читателя, в реальности ситуация была вовсе не такой радужной. К 1949 г. полный текст важнейшего сочинения Радищева — «Путешествия из Петербурга в Москву» — в советских издательствах вышел мизерным по советским масштабам совокупным тиражом — 25 тыс. экземпляров. Следует при этом учитывать, что два из трех содержащих полный текст изданий являлись научными и имели достаточно высокую цену — то есть никак не могли быть отнесены к числу массовых.

Непростой была и ситуация с публикацией научных изданий. Несмотря на то что первый том Полного собрания сочинений предполагалось издать к юбилею⁴, после юбилейных дней его издание было решено приостановить. В сентябре 1938 г. в «Литературной газете» появилось подписанное Г. А. Гуковским «Письмо в редакцию». В нем он благодарил газету за предложение написать очерк о Радищеве, но отказывался это сделать, объясняя свое нежелание следующим образом: «Я позволю себе рассказать вам о том, как понимают свой долг перед Радищевым наши издатели <...> Уже несколько лет, как Институт литературы Академии наук СССР начал работу над первым полным собранием сочинений Радищева в трех томах. Работа пошла споро; первый том подготовили, начали работу над вторым. И вдруг я, один из редакторов и сотрудников издания, узнаю совершенно официально: <...> редакционно-издательский совет при <...> президиуме [Академии наук] вынес решение: Радищева издавать, мол, нет необходимости. Я остолбенел и написал в президиум Академии довольно решительное письмо. Ответ был уклончивый: издавать Радищева можно (и на том спасибо),

но не в первую очередь <...> Печатать книгу Академия наук не торопится. Тем временем поспела рукопись второго тома. И вот — первый том Радищева лежит уже больше года, второй — три месяца, и сколько еще пролежит — неизвестно» [Гуковский 1938]. Письмо, по-видимому, действительно, помогло, и дело сдвинулось: уже в следующем номере «Литературная газета» сообщила: «Главный редактор издательства т. Богданов сообщил, что Ленинградскому отделению послан вагон бумаги для печатания заматрицованного первого тома собрания сочинений Радищева, и в ближайшее время том пойдет в машину». Но несмотря на то что I том действительно вышел в том же 1938 г., со вторым делом затянулось. Так, несмотря на заявление в преамбуле тематического плана издательства на 1939 г., что «из классиков литературы план предполагает окончание выпуска в 1939 г. II тома Радищева»⁵, выполнение этого намерения не было безусловным. Из всех писателей, собрания сочинений которых выпускало издательство, на Радищева был запланирован наименьший объем (30 листов; столько же на Т. Г. Шевченко; на М. Ю. Лермонтова — 40; на Г. И. Успенского — 100; на Н. В. Гоголя — 214); при этом только это издание не было включено в первоочередной план изданий (по нему предполагалось издать 30 л., Шевченко, 40 — Лермонтова, 30 — Успенского и 100 — Гоголя)⁶. Такое отношение к изданию подтверждается позднее в плане указанием на то, что издано оно будет только «в зависимости от получения целевой бумаги»⁷. В результате, несмотря на заверения 1938 г., что «рукопись II тома, лежащая в Ленинградском отделении издательства, в четвертом квартале будет сдана в набор» [ЛГ 1938], издание не только не вышло тогда же или в 1939 г., но не было включено в план 1940 г.⁸, и том вышел в свет только в 1941-м. Задержался и выход III тома, вышедшего только в 1952-м. Вот как описывал ситуацию Гуковский в 1947-м в письме в вышестоящие инстанции по поводу предстоящего через два года радищевского юбилея: «По сей день мы не имеем ни одного полного научного издания сочинений Радищева <...> Десять лет назад группа литературоведов по собственной инициативе предприняла подготовку первого издания полного собрания сочинений Радищева. Незачем рассказывать, каких трудов стоило осуществление этой инициативы. Наконец, в 1938 вышел I том <...> Но II том не удалось “провести” в план научно-издательских мероприятий Академии Наук; договор по это издание не был заключен. Тогда сотрудники издания подготовили том без договора и сверх всяких планов, и том был все же издан, — причем сотрудники не получили за свою огромную работу над томом ни одной копейки. Они не сетовали и не сетуют на это, но они решительно сету-

ют на то, что издание прервалось, и последние два тома его, в которых должны появиться многие вовсе неизданные произведения Радищева (чрезвычайно важные), не могут быть доработаны и изданы, т. к. продолжение издания Р<адище>ва не включено в план издательских работ Академии наук СССР»⁹.

Таким образом, за почти 50 лет с момента первого радищевского юбилея ситуация с культурным бытованием Радищева достаточно слабо изменилась. Его имя, как и тогда, знали многие — с некоторой натяжкой можно даже, наверное, сказать, что все: Радищев теперь входил в школьную программу, причем по двум предметам, литературе и истории; за именем этим по той же причине стоял вполне сформировавшийся образ, однако, как и 50 лет назад, мало кто представлял себе содержание его творчества из-за объективной затрудненности ознакомления с ним. Вместе с тем за годы, прошедшие между двумя крупными радищевскими юбилеями — 1937 и 1949 гг., не в последнюю очередь, по-видимому, благодаря включению в школьную программу, Радищев в общественном сознании начал превращаться из общественного деятеля в писателя. Перемену эту, в частности, зафиксировала «Газетная летопись». Так, если раздел «К 135-летию со дня смерти А. Н. Радищева» в «Летописи» за 1937 г. располагался в разделе «История», то в 1945 г. радищевские материалы впервые попадают в раздел «Литература» и впоследствии так в нем и остаются.

В этой ситуации и проходил радищевский юбилей 1949 г., приуроченный к 200-летию со дня его рождения. Следует сразу сказать, что для своего времени юбилей этот стал событием неординарным. Если судить по количеству публикаций, посвященных тем или иным памятным датам в газетах, то в общесоюзном масштабе (по материалам «Правды»), помимо исключительно политических событий, таких как 30 лет Белорусской ССР или 15 лет Военно-воздушного флота, он уступал только таким торжествам, как 25-летию со дня смерти Ленина, 100-летию со дня рождения И. П. Павлова, 150-летию А. С. Пушкина и 70-летию юбилею Сталина. Если же судить по материалам «Литературной газеты», то с радищевским юбилеем могут сравниться только пушкинский и сталинский — в органе Союза писателей за 1949 г. Радищеву было посвящено 34 материала в 18 номерах.

Не в последнюю очередь такой размах был достигнут за счет того, что в июле 1949 г. был организован Всесоюзный юбилейный комитет по проведению 200-летия со дня рождения А. Н. Радищева под руководством министра высшего образования СССР С. В. Кафтанова. Широта организованных комитетом мероприятий впечатляет. В газеты

приходили сообщения о мероприятиях не только в Москве и Ленинграде, но и в Пензе, Саратове, Пскове, Ташкенте, Днепрпетровске, Куйбышеве, Севастополе, Алма-Ате, Иркутске, Киеве, Ленинкане, в Азербайджане и Эстонии. Проводились выставки, экскурсии, лекции, концерты, читательские конференции и походы, устанавливались именные стипендии в вузах и присваивались имена учреждений. Именно к 1949 г. относятся созданные по разработанному комитетом плану мероприятий переводы радищевских сочинений на языки почти всех союзных республик и некоторые национальные языки РСФСР (некоторые из них, впрочем, были опубликованы только к следующему юбилею, 1952 г.). К 1949 г. году Гослитмузей готовил грандиозную — в четырех залах — радищевскую выставку (состоялась только в 1950-м). И прочее, и пр., и пр.

Вместе с тем стоит отметить, что организация столь масштабного юбилея стала следствием инициативы не центральных идеологических органов, а руководства Пензенской области, где в 1943 г. был создан (также по инициативе снизу — от сельсовета и райкома) музей Радищева [см.: Костин 2010] и где после всесоюзного празднования юбилея 100-летия со дня смерти В. Г. Беллинского в мае 1948 г. местные органы политической агитации осознали, что следующим крупным областным юбилеем должен стать радищевский. Уже 8 июля 1948 г. заведующий пензенским облотделом культпросветработы В. Старцев докладывал секретарю пензенского обкома К. Морщину, что «есть полная необходимость специальной постановки и обсуждения на заседании бюро обкома ВКП (б) и исполкома облсовета вопроса о подготовке к 200-летию со дня рождения А. Н. Радищева»¹⁰. И упоминание в этом письме предложений «общественности области, района и села, а также посетителей музея», и сам перечень предлагавшихся мероприятий, не предполагавший никакой агитационной работы (вроде лекций в школах, вузах и на предприятиях, выставок и т. д., что станет впоследствии основой проведенного в области юбилея), а только улучшение сельского музея (выделение новых штатных ставок, реэкспозиция и строительство нового здания; ремонт родовой радищевской церкви; воссоздание барского дома, установка в селе бюста, и т. д.), заставляют предположить, что инициатива его составления исходила или от директора музея И. С. Базина.

Вместе с тем очень скоро эти направленные на улучшение музея инициативы превратились в ряд идеологических мероприятий. В сентябре 1948 г. был создан областной юбилейный оргкомитет, куда, помимо директора музея Радищева и нескольких других представителей района, выступивших, по-видимому, инициаторами проведения юбилея

(председатель верхнеаблязовского сельсовета Ф. И. Скурлатов, директор располагавшейся по соседству с Аблязовым анненковской сельской школы А. П. Чекалина), вошли преимущественно руководители различных партийных и советских органов¹¹. С этого времени в области развернулась обширная работа по подготовке к юбилею. Ее итоги подводит справка, представленная в обком 30 июля 1949 г. Отделом агитации и пропаганды. В соответствии с ней, «в настоящее время по области развернулась широкая пропаганда материалов о жизни и творчестве А. Н. Радищева. Для рабочих, колхозников и интеллигенции прочитано всего около 700 лекций и докладов <...> Лекциями и докладами в сельской местности охвачено более 33 тыс. чел. <...> Областная газета «Сталинское знамя» с 1 января 1949 г. поместила на своих страницах 9 статей, систематически печатает хронику мероприятий <...> Областным издательством выпущены: блокнот агитатора с лекцией <...> «А. Н. Радищев» <...> плакат-портрет А. Н. Радищева, издана брошюра профессора Д. Д. Благого. В областном краеведческом музее, библиотеке <...> открыты выставки <...> Выставку в областном краеведческом музее посетило 4 тыс. чел. Обрадиокомитет провел 5 местных радиопередач <...> Закончены работы по изготовлению бюста А. Н. Радищева <...> Завершается строительство новой школы, ремонт клуба и музея в селе Верхнее-Аблязово, проводится ремонт дороги от г. Кузнецка до села Верхнее-Аблязово, изготавливается обелиск для увековечения места, где стоял дом Радищевых <...> Заказана и изготавливается в <...> Государственном литературном музее новая экспозиция для музея»¹².

Следует учесть, что к этому времени на союзном уровне никаких усилий по организации юбилея не предпринималось. Первые сообщения о подготовке к юбилею, появившиеся в центральной прессе, говорят только о низовых усилиях ведомств и людей, непосредственно связанных с радищевским юбилеем. Помимо сведений о пензенских мероприятиях, здесь сообщалось, по сути, только о работе ученых, связанных с подготовкой полного собрания сочинений и научно-популярных изданий¹³. Также с начала 1949 г. над радищевской выставкой работал (и тоже непосредственно по роду своих занятий и без указаний сверху) Государственный литературный музей¹⁴ (изначально выставка предполагалась, по-видимому, как реформированная экспозиция существовавшего при ГЛМ с 1946 по 1948 г. Музея русской литературы XVIII века¹⁵). Первое заседание всесоюзного юбилейного комитета прошло лишь за месяц до юбилея — 22 июля¹⁶. Анализ принятого им перечня мероприятий показывает, что, несмотря на всесою-

ный масштаб, он большей частью лишь узаконивал уже предпринятые на местах начинания (издание III тома Полного собрания сочинений, выставка в ГЛМ и т. д.), а в первую очередь юбилей Радищева оказывался праздником Пензенской области: «3) Разрешить Пензенскому облисполкому провести торжественное собрание, посвященное 200-летию юбилею со дня рождения А. Н. Радищева <...> 11) Присвоить имя А. Н. Радищева: Верхне-Аблязовской семилетней школе Пензенской области; Пензенскому индустриальному институту. 12) Установить обелиск в с. В. Аблязово Пензенской области на месте, где находился дом Радищевых. 13) Установить по одной стипендии им. А. Н. Радищева в размере 400 руб. каждая для студентов филологических факультетов <...> Пензенского и Калининградского педагогических институтов и Пензенского индустриального института»¹⁷.

Вместе с тем несмотря на то что всесоюзный юбилей стал, по-видимому, лишь реакцией на отдельные инициативы с мест, сам его статус, масштаб мероприятий («Обязать Министерство высшего образования и министерства просвещения союзных республик провести в течение сентября 1949 г. во всех высших и средних учебных заведениях и школах лекции, доклады, радищевские чтения и вечера, а также организовать выставки, посвященные 200-летию со дня рождения А. Н. Радищева») определили политическое значение юбилея, что повлияло на идеологическую наполненность торжеств. Праздник стал не поводом вспомнить о писателе, а еще одним способом на историческом материале напомнить об исключительной роли русского народа в мире. Такая установка отразилась на всех без исключения юбилейных материалах, и за ее соблюдением проводился строгий партийный контроль. Наглядным свидетельством этого контроля могут служить два следующих примера.

В выпуске «Правды» от 11 августа, то есть почти за 3 недели до основных торжеств, в разделе «Из последней почты» появилась небольшая заметка под заглавием «Плоды невежества и безответственности». Поводом для нее послужил юбилейный радищевский материал, неожиданно размещенный в златоустовской газете «Большевицкое знамя» не 31 августа, как положено, а 30 июля. Эта безграмотность и редакторское головоунытие (в тексте статьи указывалась правильная дата рождения писателя — 31 августа) послужили формальным поводом для составления заметки. Однако отметив еще одну фактическую несуразность, редакция «Правды» переходила к идеологическим ошибкам статьи: «Автор пытается представить Радищева как покорного ученика западных мыслителей», в то время как известно, что «революционные

взгляды А. Н. Радищева сложились под влиянием крепостного восстания Емельяна Пугачева». Редакция отмечала, что Радищев «стоял в своих воззрениях на голову выше французских просветителей» [Правда 1949].

Публикация подобной, основанной на довоенной литературе, юбилейной статьи в калужском «Блокноте агитатора» стала предметом рассмотрения обкома ВКПб. На заседании 13 сентября 1949 г. отмечалось: «Общественно-политическая деятельность А. Н. Радищева и формирование его взглядов, идей автором извращены. В статье, вместо политически правильной оценки мировоззрения Радищева, взгляды и идеи которого рождены русской действительностью и складывались под влиянием революционных восстаний крепостного крестьянства, дается неправильная и вредная трактовка о том, что взгляды и идеи Радищева формировались под влиянием пребывания его за границей. Вместо показа Радищева как продолжателя патриотических традиций Ломоносова, <...> как новатора и революционера, который шел самостоятельным путем, <...> в статье <...> дается политически ошибочное толкование, что якобы <...> идеи Радищева <...> навеяны на него влиянием иноземных ученых и американской, французской буржуазными революциями»¹⁸. Вынесенное по данному вопросу решение показывает, что на самом деле уровень властного контроля за идейной выверенностью юбилейных текстов не был слишком высок. Так, за пропуск критикованной статьи отвечал главный редактор «Блокнота», секретарь обкома Беляков, который, по-видимому, или не читал сам статью, или не придавал ее содержанию значения. Да и меры, принятые по поводу этого нарушения, показывают не самое серьезное к нему отношение: «Указать <...> тов. Белякову <...> на формальное его отношение к редактированию».

Как бы то ни было, государственной идеологией задавался основной мотив юбилейных статей: Радищев — оригинальный русский революционер, сложившийся исключительно на русской почве и стоящий в своих воззрениях несравнимо выше западных авторов. Проблематика эта отразилась в той или иной степени во всех юбилейных статьях, которые, в отличие от материалов 1937 г., отличает унылое однообразие. Все они, так или иначе, отражают следующие тезисы: Радищев — революционер-материалист, сложившийся на русской почве (имел перед собой примером восстание Пугачева). В своих патриотических воззрениях он воспел исключительно прекрасный своими духовными достоинствами русский народ (в качестве высочайшего примера имел перед глазами Ломоносова). Радищев верил в силы народа и предвидел

его прекрасное будущее. Именно предвидел, поскольку знал, что революция не осуществится при его жизни: «Радищев знал, что только далекие потомки смогут осуществить дело, которому он отдал всю свою жизнь» [ЛГ 1949]. За Радищевым пришли декабристы, затем — Герцен, Чернышевский и т. д. Советский народ осуществил идеалы Радищева:

И мечта свершилась. Исполином,
Озаря запад и восток,
Твой народ идет к таким вершинам,
О которых ты мечтать не мог. [Хаустов 1949]

Весь юбилей оборачивался, по сути, восхвалением существующего строя и использовался в пропагандистских целях — не случайно во многих юбилейных статьях звучит следующий мотив: «Иное дело — мир насилия и эксплуатации, капиталистический мир <...> С величайшим негодованием отзывался Радищев об угнетении колониальных народов со стороны американцев и европейцев» [Пиксанов 1949].

Между тем юбилей этот породил огромную литературу — составленная в 1950 г. юбилейная библиография [Карпенко, Симкина 1950] насчитывает свыше 500 номеров, из них только журнальных статей и монографий — несколько сотен. И поскольку юбилей носил по-настоящему массовый характер, тематика этих работ простирается от литературы до медицины. По сути, с тех пор исследователь, желая обратиться к малоизученной теме в связи с Радищевым, неминуемо вынужден обращаться к работам, созданным в 1949–1952 гг., и это зачастую далеко не идет на пользу науке.

Не имеет смысла рассматривать следующий юбилей, 1952 г., поскольку он является всего лишь отголоском предыдущего — слишком невелика была дистанция.

По сути, эти два юбилея оставили за собой выжженную землю. До конца 1950-х гг. радищевские сочинения больше не издавались, а первые по-настоящему массовые издания появились только в конце 1960-х. В период с 1954-го по 1962 гг. в центральных газетах не появилось ни одного радищевского материала. В 1965 г. на 175-летие выхода в свет «Путешествия из Петербурга в Москву» откликнулись только республиканские газеты [Чельшев 1965; Гринева 1965], как и в 1947-м — на 145-летие со дня смерти [Когин 1947; Матхщян 1947; Васильев 1947]¹⁹.

Юбилейные материалы 1974 г., когда праздновалось 225-летие со дня рождения Радищева, можно считать последними относительно массовыми — они напечатаны в пяти центральных и восьми республиканских

газетах. Значительная часть из них посвящена сообщению фактических материалов о Радищеве и изданиях его сочинений. Те же немногие статьи, где сделана попытка представить концепцию творчества писателя, показывают, что к этому времени канон, в той или иной степени существовавший до середины 1960-х, начинает размываться. Так, часть авторов словно списывают с методичек 1949 г.: «Радищева <...> по праву называют <...> первым русским писателем-гражданином, у которого идеи патриотизма неразрывно связаны с идеей народной революции <...> По глубине патриотических идей, <...> по своему страстному революционному пафосу <...>, наконец, по своей художественной значительности “Путешествие” не знает себе равной книги не только в русской, но и во всей мировой литературе XVIII в.» [Трофимов 1974]. Часть отделяется ничего не значащими фразами: «Оружием первого русского революционера было его перо писателя, его мысль философа <...> Подвиг Радищева тем значителен и труден, что он первый потребовал уничтожения крепостничества и самодержавия» [Агаларова 1974]. Часть старается сказать свое слово, но получается оно крайне неуклюже: «Заговора не было, — Радищев был один. Первым вышел он на бой с чудовищем самодержавия. <...> Что остается на земле от человека после его смерти? Наверно, все-таки сам человек, если вечные ценности — Добро, Справедливость, Честность, Мужество горели в нем столь ярким пламенем, что сохранились на века» [Осипова 1974].

Несмотря на обилие вышедших в 1970–1980 гг. изданий «Путешествия», материалов о нем в газетах в это время почти не появлялось. Следующий, и то небольшой, всплеск пришелся только на 1990 г., когда праздновалось 200-летие выхода в свет «Путешествия из Петербурга в Москву». Перестройка с ее митингами, дебатами и обличениями стала закономерной основой для обращения к образу Радищева. Но никто уже, по сути, не пытался создать цельный образ писателя — все авторы использовали Радищева как повод для разговора на темы различной злободневности. Так, в июне была организована «литературно-экологическая экспедиция по местам радищевского “Путешествия из Петербурга в Москву”», в которой принимали участие «депутаты Моссовета и Ленсовета, Новгородского и Калининского облсоветов, историки, писатели, артисты, журналисты, представители ленинградского клуба “Княжеская дружина”, потомки писателя-гражданина Наталия Михайловна Радищева и ее сын Миша» [Шахматов 1990]. К Радищеву экспедиция имела малое отношение (была открыта памятная доска в Клину), однако участники обратили внимание на множество экологических и социальных неустройств в местах, где 200 лет назад

проезжал Радищев. «Добился ли тот, кто пашет, сеет и жнет, кто кормит, одевает и обувает, подлинной свободы? Ответы чаще всего напрашивались неутешительные». В другой газете другой участник экспедиции целиком посвятил свою статью проблемам пищевого снабжения по карточкам в столицах и между ними [Есин 1990]. Корреспондент «Труда» М. Белоусов решил проехать на машине из Ленинграда в Москву, но доехал, судя по всему, только до Усть-Ижоры, высказав по дороге сочувствие смещенному председателю Ленсовета Ходыреву, посетовав на то, что Россия не помнит святого Александра Невского, а заодно обвинив Радищева в том, что он клеветал на Россию, жизни не знал и историей страны не интересовался: «и поныне всесокрушающая “линия Радищева” не прервалась: достается со всех, кажется, трибун и истории нашей, и законам, и нравам» [Белоусов 1990а; см. также Белоусов 1990б]. Жонглируя цитатами из «Путешествия», совсем не о Радищеве, по сути, сказал и А. В. Западов в юбилейной статье для «Правды»: доведя повествование до фразы «Часто в истории нашей забывали мы <...> уроки [Радищева]», он, по сути, выдвигает обвинения уходящему режиму, который закабалил крестьян, сделал из граждан страны рабов, лицемерил, был пропитан взяточниками, негодных усмирлял. «Никогда русские цари не могли примириться с нравственным превосходством человека, дерзнувшего не испугаться их силы, лишиться всех жизненных благ <...> сознательно, во имя истины, долженствовавшей в конце концов принести людям вождеденное счастье» [Западов 1990]. Соответствия из новейшей истории, впрочем, нигде не приводятся.

В постперестроечное время Радищев из культуры, по сути, пропадает вовсе. В газетах посвященные ему статьи не появляются, с 1992 по 1999 гг. не выходит ни одного издания его сочинений. Пришедшийся на 31 августа 1999 г. 250-летний юбилей совершенно померк перед 100-летним юбилеем А. Платонова, праздновавшимся в те же дни. На юбилей не откликнулись не только «либеральные» газеты — «Коммерсант», «Известия», но и, к примеру, «Правда», «Труд», «Завтра». Некоторые критики сумели белыми нитками сшить два юбилея — радищевский и платоновский [Золотоносов 1999; Немзер 1999; Архангельский 1999], но в большей степени речь у них шла, конечно, о Платонове. У тех же авторов, которые посвятили свои статьи собственно Радищеву, наблюдается следующая тенденция: как и за 50, как и за 100 лет до того «“Путешествие из Петербурга в Москву” — книга, которую по названию знают все, но которую практически никто не читал» [Кравченко 1999].

Как мне кажется, юбилейный материал достаточно убедительно показывает, что идеологическая задействованность Радищева советской властью почти на всем ее протяжении была минимальной. Даже кажущийся исключением юбилей 1949 г. вряд ли состоялся бы без инициативы сравнительно немногих энтузиастов; в остальные же годы власть, а позже и общество, потерявшие четкое представление о том, кто такой Радищев, в увековечивании памяти писателя не были заинтересованы.

Список сокращений

- Агаларова 1974 — *Агаларова Х.* Первый русский писатель-революционер // Бакинский рабочий. 1974. № 204 (31 авг.). С. 4.
- Алексеева, Кукушкина 2000 — *Алексеева Н. Ю., Кукушкина Е. Д.* Конференции, посвященные 250-летию со дня рождения А. Н. Радищева // Русская литература. 2000, № 1. С. 124–125.
- АРАН — Архив Российской академии наук (Москва).
- Архангельский 1999 — *Архангельский А.* Существо веществования // Известия. 1999. № 162 (1 сент.).
- Бараг 1937 — *Бараг Л. А.* Н. Радищев. (К 135-летию со дня смерти) // За коммунистическое просвещение. 1937. № 132 (23 сент.). С. 2.
- Белоусов 1990а — *Белоусов М.* Версты Радищева. Через 200 лет по маршруту автора книги «Путешествие из Петербурга в Москву» отправился наш корреспондент // Труд. 1990. № 124 (31 мая). С. 4.
- Белоусов 1990б — *Белоусов М.* Усть-Ижора // Труд. 1990. № 144 (1 авг.). С. 3.
- Васильев 1902 — *Васильев Н. А.* Н. Радищев. (К 100-летию со дня его рождения) // Орловский вестник. 1902, № 241 (12 сент.). С. 2.
- Васильев 1947 — *Васильев Ю. А.* Н. Радищев. (145 лет со дня смерти) // Советская Белоруссия. 1947. № 191 (24 сент.). С. 3.
- ГА КО — Государственный архив Калужской области.
- ГА ПО — Государственный архив Пензенской области.
- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
- Гринева 1965 — *Гринева А.* «Я зрю сквозь целое столетие...» // Туркменская искра. 1965. № 130 (4 июня). С. 4.
- Гуковский 1937а — *Гуковский Г. А.* Радищев и русская революция // Ленинградская правда. 1937. № 220 (23 сент.). С. 3.
- Гуковский 1937б — *Гуковский Г. А.* А. Н. Радищев. 135 лет со дня смерти // Известия ЦИК. 1937. № 223 (23 сент.). С. 3.
- Гуковский 1938 — *Гуковский Г. А.* Письмо в редакцию // Литературная газета. 1938, № 53 (26 сент.).
- Есин 1990 — *Есин С.* Соблазны упрощения // Литературная газета. 1990. № 24 (13 июня). С. 3.
- Жижка 1934 — *Жижка М. В.* А. Радищев. М., 1934.
- Западов 1990 — *Западов А. В.* «Сочинитель не любит царей...». К 200-летию книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» // Правда. 1990. № 162 (11 июня). С. 8.
- Золотоносов 1999 — *Золотоносов М.* Уязвленная душа // Московские новости. 1999, № 33 (30 авг.).
- История 1968 — История русской литературы XVIII века. Библиографический указатель / Сост.: В. П. Степанов, Ю. В. Стенник. Л., 1968.
- Карпенко, Симкина 1950 — *Карпенко Т. А., Симкина С. К.* Юбилейная литература 1949 года об А. Н. Радищеве // Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950. С. 305–325.
- Когинев 1947 — *Когинев Ю.* Верный сын Отечества // Казахстанская правда. 1947. № 188 (24 сент.). С. 3.
- Костин 2008 — *Костин А. А.* А. Н. Радищев в советской школе // Учебный текст в советской школе. Сборник статей. СПб.; М., 2008. С. 10–25.
- Костин 2009 — *Костин А. А.* Изучение русской литературы XVIII века в 1930-е годы (переписка редакции «Литературного наследства» с Г. А. Гуковским и другими авторами) // Русская литература. 2009, № 2. С. 79–104.
- Костин 2010 — *Костин А. А.* Из истории создания музея А. Н. Радищева в Верхнем Аблязове // Сура. Пенза, 2010. № 1 (в печати).
- Кравченко 1999 — *Кравченко Т.* Черты живых в изображении умершего // Новая газета. 1999. № 169, приложение «Кулиса НГ. Культура и искусство». № 14 (11 сент.). С. 9.
- Лехтблау 1937 — *Лехтблау Л.* Реализм Радищева // Литературная газета. 1937. № 51 (15 сент.). С. 3.
- ЛГ 1937а — Академический Радищев // Литературная газета. 1937. № 49 (10 сент.). С. 6.
- ЛГ 1937б — Комната А. Н. Радищева в московском Музее революции // Литературная газета. 1937. № 52 (26 сент.). С. 6.
- ЛГ 1938 — Радищев будет издан // Литературная газета. 1938, № 54 (30 сент.). С. 1.
- ЛГ 1949 — Великие традиции русской литературы [Передовица] // Литературная газета. 1949. № 70 (31 авг.). С. 1.
- ЛП 1937 — Заседание в Пушкинском Доме Академии наук // Ленинградская правда. 1937. № 220 (23 сент.). С. 3.
- Матхациян 1947 — *Матхациян А.* Александр Николаевич Радищев (к 145-летию со дня смерти) // Коммунист. Ереван, 1947. № 224 (24 сент.). С. 3.
- МСИР — Музей современной истории России (Москва).
- Наганова 1937 — *Наганова А.* «Путешествие из Петербурга в Москву» // Комсомольская правда. 1937. № 220 (23 сент.). С. 3.
- Немзер 1999 — *Немзер А.* «Путешествие из Петербурга в Чевенгур и обратно» // Время MN. 1991. № 159 (1 сент.).
- Нечкина 1937 — *Нечкина М. А.* Н. Радищев. (К 135-летию со дня смерти) // Правда. № 264 (24 сент.). С. 4.
- Осипова 1974 — *Осипова Л.* Великий гражданин. К 225-летию со дня рождения А. Н. Радищева // Правда Востока (Ташкент). 1974. № 203 (31 авг.). С. 4.

Пиксанов 1949 — *Пиксанов Н.* Имя, которым гордится народ // Вечерний Ленинград. 1949. № 203 (29 авг.). С. 2.

Плоткин 1937 — *Плоткин Л.* Великий просветитель // Ленинградская правда. 1937. № 220 (23 сент.). С. 3.

Правда 1949 — Плоды невежества и безответственности // Правда. 1949. № 223 (11 авг.). С. 2.

Радищев 1938 — *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Л.: Гослитиздат, 1938.

Радищев 2001 — А. Н. Радищев: исследования и материалы. Тверь, 2001.

Радищев 2003 — А. Н. Радищев: русское и европейское Просвещение. СПб., 2003.

Радищев 2004 — Живу в душе друзей моих... Научно-популярный сборник к 225-летию со дня рождения А. Н. Радищева и 60-летию Государственного музея его имени. Пенза, 2004. С. 14–38.

Трофимов 1974 — *Трофимов И.* Истинный человек и сын Отечества // Учительская газета. 1974. № 104 (29 авг.). С. 4.

Хаустов 1949 — *Хаустов Л.* Пламенного сердца человек // Ленинградская правда. 1949. № 204 (30 авг.). С. 2.

ХЛ 1902 — К 100-летней годовщине смерти А. Н. Радищева // Харьковский листок. 1902, № 247 (12 сент.), с. 2.

ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.

Чельшев 1965 — *Чельшев Б.* Редкая книга // Советская молдавия. 1965. № 125 (30 мая). С. 4.

Чешихин 1902 — *Ветринский Ч.* (В. Е. Чешихин). Памяти А. Н. Радищева. 12 сент. 1802 г. — 12/IX 1902 г. // Самарская газета. 1902, № 196 (12 сент.). С. 2.

Шахматов 1990 — *Шахматов А.* «Хождение в народ» // Книжное обозрение. 1990. № 25 (22 июня). С. 14.

ЮК 1902 — *Э. Д-арский.* К столетию со дня смерти А. Н. Радищева (12 сент. 1802–1902) // Южный курьер. Керчь, 1902. № 179 (13 сент.). С. 2.

Примечания

- ¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям (грант Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых № МК-5487.2008.6).
- ² Подсчеты проводились по изданию: История 1968.
- ³ ЛГ 1937а; Архив МСИР. Ф. 1, оп. 1, № 416. Л. 1–1 об.
- ⁴ См. тематические планы изданий Издательства Академии наук: АРАН. Ф. 454, оп. 2, № 20, л. 44 (на 1936 г. — предполагалось издать том в первом квартале 1937 г.); № 48, л. 32 (на 1937 г. — издание указано в плане со звездочкой, что означало выпуск в том же году).
- ⁵ АРАН. Ф. 454, оп. 2, № 134, л. 6.
- ⁶ Там же. Л. 11.
- ⁷ Там же. Л. 42.
- ⁸ АРАН. Ф. 454, оп. 2, № 186.

- ⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 145, оп. 1, № 147, л. 1–1 об. 3-й том, действительно, несмотря на появление в плане на 1941 г. (АРАН. Ф. 454, оп. 2, № 251), пропал из него после войны (см. план на 1946 г.: АРАН. Ф. 454, оп. 2, № 431, 432).
- ¹⁰ ГА ПО. Ф. 148, оп. 1, 2202, л. 3.
- ¹¹ ГА ПО. Ф. 148, оп. 1, № 1908, л. 9.
- ¹² ГА ПО. Ф. 148, оп. 1, № 2202, л. 55–55 об.
- ¹³ К 200-летию со дня рождения А. Н. Радищева // Литературная газета. 1949. № 54 (6 июля). С. 4; Издание произведений А. Н. Радищева // Там же. № 55 (9 июля). С. 1; Новое о А. Н. Радищеве // Там же. № 57 (16 июля). С. 3; Радищевская выставка в Пензе // Правда. 1949. № 190 (9 июля). С. 2; Хроника культурной жизни // Культура и жизнь. 1949. № 20 (21 июля). С. 3.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. А-629, оп. 1, № 555; № 556, л. 1–2.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. А-629, оп. 1, № 557, л. 1–2, 7–11; № 594, л. 1–1 об.
- ¹⁶ Подготовка к 200-летнему юбилею А. Н. Радищева // Правда. 1949. № 204 (23 июля). С. 4; То же // Литературная газета. 1949. № 59 (23 июня). С. 1.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5446, оп. 51, № 3559, л. 13. В окончательном плане, утвержденном СНК СССР 20 авг. 1949 г., имя Радищева было решено присвоить не Пензенскому индустриальному институту, а Нижнеломовскому учительскому институту.
- ¹⁸ ГА КО. Ф. П-55, оп. 8, л. 192. За возможность ознакомиться с этим документом сердечно благодарю Г. И. Роянову.
- ¹⁹ Стоит отметить, что в 1947 г. в Гослитмузее к юбилею прошла не попавшая в газетную хронику выставка и связанное с ней заседание, где затрагивались преимущественно вопросы радищевских изданий как библиофильской проблемы (ГА РФ. Ф. А-629, оп. 1, № 441).